

УДК 902/904, 902.01

**ФЕНОМЕН БРОНЗОВЫХ КИНЖАЛОВ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ
КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (хронология, территория распространения, истоки)**

В. И. Молодин

**THE PHENOMENON OF BRONZE DAGGERS FROM BURIAL COMPLEXES
OF THE KROTOVO CULTURE (chronology, area of distribution, beginnings)**

V. I. Molodin

Работа выполнена в рамках Программы РНФ (№ 14-50-00036) «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

В работе анализируются последние данные, связанные с находками своеобразных бронзовых кинжалов, в настоящее время представленных на территории Северной и Центральной Азии в виде случайных находок и кладов. Только в трех случаях, в захоронениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В (Барабинская лесостепь), кинжалы обнаружены *in situ*. Благодаря последним данным радиоуглеродного датирования эти находки следует синхронизировать с сейминско-турбинским феноменом и датировать периодом развитой бронзы.

The recently obtained data on specific bronze daggers that were discovered either beyond archaeological context or in hoards in Northern and Central Asia are analyzed in the paper. There are only three cases when such daggers were discovered *in situ* in the tombs of the Krotovo culture at Sopka 2/4 B, C burial ground in Baraba forest-steppe. The recently generated radiocarbon datings make it possible to correlate the daggers with the Seima-Turbino cultural phenomenon and date them to the Middle Bronze period.

Ключевые слова: бронзовые кинжалы, кротовская культура, закрытые комплексы, могильник Сопка-2, сейминско-турбинская эпоха, Северная и Центральная Азия.

Keywords: Bronze daggers, Krotovo culture, intact archaeological complexes, Sopka-2 burial ground, Seima-Turbino period, Northern and Central Asia.

В 2015 г. исполняется семьдесят лет со дня рождения видного российского ученого-археолога, доктора исторических наук, профессора Кемеровского государственного университета Владимира Васильевича Боброва.

С именем этого ученого связано открытие многих археологических памятников и исследование культур эпохи неолита и бронзы Западной Сибири и, прежде всего – Кузбасса. Боброву принадлежит разработанная им концепция историко-культурного развития Кузнецко-Салаирской горной области в эпоху бронзы [3], которая, в настоящее время, является основой для понимания бронзового века обширного региона Южной Сибири от момента знакомства человека с металлом до овладения железом.

Особо следует отметить исследование и последующую публикацию таких комплексов как могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 [5], а также уникальное поселение большемысской культуры эпохи ранней бронзы Танай-4А, где ученым исследовано несколько десятков построек. Это наиболее полно изученный на сегодняшний день, столь масштабный памятник начала бронзового века в Сибири.

Последнее десятилетие под руководством В. В. Боброва проводятся активные исследования культур эпохи неолита и ранней бронзы в Центральной части Барабинской лесостепи, где открыты принципиально новые и ранее неизвестные здесь образования [4; 6].

Разумеется, это лишь отдельные штрихи научного творчества Владимира Васильевича, более полно его научный портрет будет наверняка показан на страницах этой, посвященной ему книги.

В заказанной мне статье я хочу остановиться на одной из проблем периода ранней – развитой бронзы близкой и интересной для нашего юбиляра.

В настоящее время на территории юга Западносибирской равнины, а также на Алтае в Восточном Казахстане, Средней Азии и Синцзяне выявлена серия бронзовых кинжалов оригинальной формы занимающих явно особое место среди предметов эпохи ранней и развитой бронзы этого обширного региона Азии. Практически все эти изделия найдены либо как случайные находки, либо в составе кладов. Только три предмета были обнаружены одним из авторов настоящей работы в погребальных комплексах кротовской культуры [29]. Значительный массив источников, как и осмысление кротовской культуры на качественно новом уровне, диктует необходимость еще раз обратиться к анализу этих предметов, введя в научный оборот не только малоизвестные источники, но и более детально рассмотреть восточный вектор их аналогий, с привлечением материалов Китая. Кроме того, перед нами стоит задача на качественно новом уровне рассмотреть проблему их хронологии и вероятной территории, откуда эти изделия могли распространяться в соседних регионах Азии.

Кинжалы, обнаруженные *in situ*, в погребальных комплексах могильника Сопка-2/4 Б, В найдены в трех захоронениях – № 420 (к. 58, п. 21); № 425 (к. 58, п. 26) и № 443 (п. 58, п. 44). Памятник расположен в лесостепной части Обь-Иртышского междуречья (рис. 1-1) [36]. Исследован монографически. В настоящее время опубликованы три монографии [30; 32; 37] и десятки статей, посвященных анализу этого масштабного комплекса. Кроме того, в стадии подготовки находится еще три монографии, одна из которых посвящена кротовской культуре.

Нам представляется, что анализ обозначенных предметов следует начать именно с изделий, найденных в закрытых комплексах, что дает объективную возможность представить культурно-хронологический контекст данных изделий.

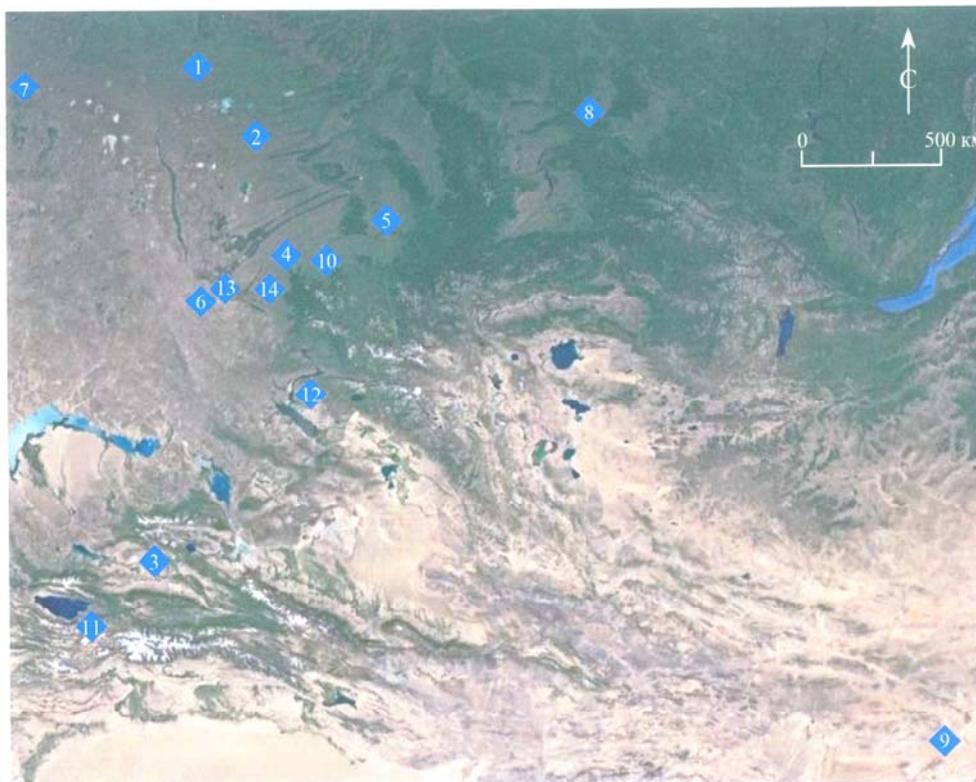

Рис. 1. Карта территории Сибири и Центральной Азии с указанием мест находок бронзовых кинжалов, анализируемых в работе. 1 – могильник кротовской культуры Сопка-2/4Б, В (3 кинжала). 2 – окрестности с. Конево; 3 – Синьцзян, долина р. Или; 4 – окрестности г. Змеиногорска; 5 – район г. Бийска; 6 – Семипалатинская область; 7 – окрестности с. Петропавловское; 8 – бывшая Енисейская губерния; 9 – Провинция Ганьсу (2 кинжала); 10 – окрестности с. Чарьшское; 11 – Второй Каракольский клад (5 кинжалов); 12 – окрестности с. Курчум; 13 – окрестности г. Семипалатинска; 14 – окрестности с. Шемонаиха

Характеристика захоронений, в которых были обнаружены анализируемые кинжалы представлены в упомянутой выше статье [29], к которой мы отсылаем заинтересованного читателя (рис. 2).

Все три захоронения локализованы в северо-западной части грунтового могильника кротовской культуры, и входят в ряды единокультурных погребальных комплексов.

Погребальная практика свидетельствует о полной идентичности комплексов, что позволяет однозначно отнести их к кротовской культуре.

Перейдем далее к анализу полученных в захоронении кинжалов.

Ориентируясь на форму лезвия кинжалы следует относить к одному типу, однако специфические детали рукояти позволяют говорить о двух вариантах этих изделий.

К первому варианту относится кинжал из погребения № 425 (к. 58, п. 26) (рис. 3-2). Изделие изготовлено путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двухсторончатой литейной форме. Об этом свидетельствует общий для лезвия и рукояти литейный шов, сохранившийся на обеих сторонах рукояти. После получения отливки лезвие было расковано, а затем (как впрочем и весь предмет) заложено и заточено абразивом. Длина кинжала 29 см максимальная ширина лезвия – 5,4 см, длина клинка – 19 см, соответственно длина рукояти – 10 см, указатель строй-

ности 18,62 (прим. автора – Указатель стройности рассчитан по методу, предложенному Н. Л. Членовой [62] для карасукских ножей.; указатель клинка – 28,4. Толщина клинка в середине – 8 мм, максимальная ширина рукояти – 3,7 см, минимальная ширина рукояти 2,2 см, разность ширины (максимальной и минимальной) рукояти 1,5 см., максимальная толщина рукояти – 1 см. Сечение лезвия – вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Сам клинок имеет пламевидную форму и весьма напоминает по своим пропорциям перо наконечников копий сейминско-турбинского типа. Рукоять расширяется к оконечности и имеет тавровидное сечение. С обеих сторон кинжала края рукояти оформлены ритмично чередующимися выпуклостями.

Ко второму варианту относятся два кинжала – целый из погребения № 420 (к. 58, п. 21) и с обрубленным при ограблении кончиком из могилы № 443 (к. 58, п. 44) (рис. 3-1,3).

Оба изделия изготовлены также как и кинжал первого варианта, путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двухсторонней литейной форме. Об этом свидетельствуют сохранившиеся на рукояти и прилегающей к ней части лезвия литейные швы. У целого изделия края лезвия не прокованы, у второго они прокованы. Размеры кинжалов имеют следующие параметры.

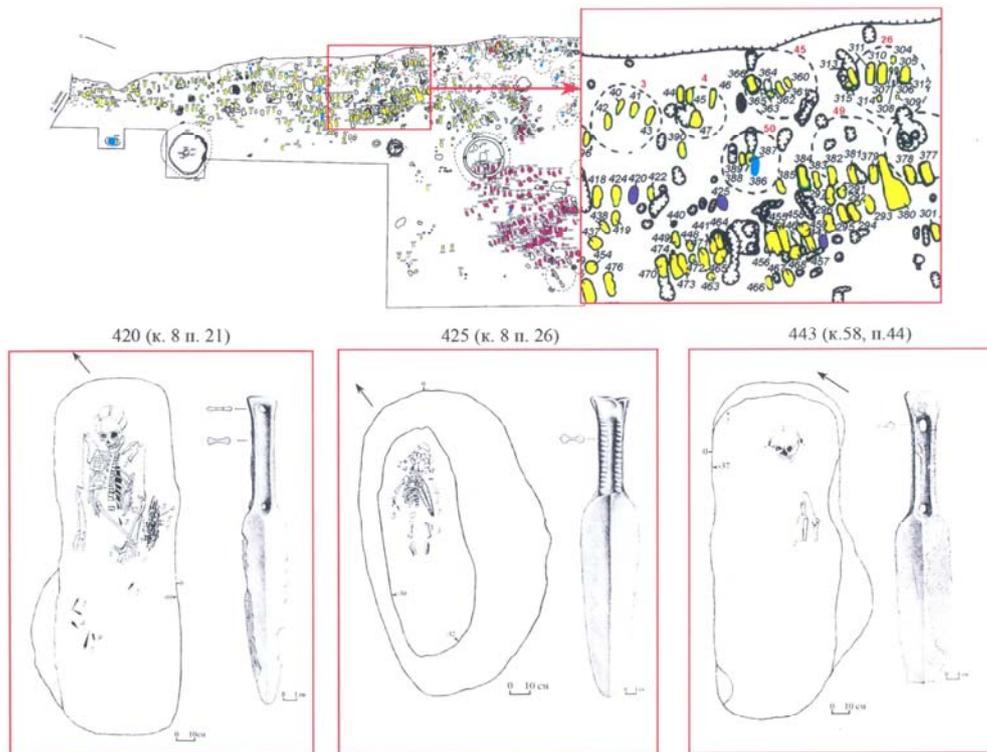

Рис. 2. Могильник Сопка-2 (фрагмент) Красным цветом выделены захоронения одиновской культуры ранней-развитой бронзы могильника Сопка-2/4А; желтым цветом – могильник кротовской культуры Сопка-2/4Б, В. Фиолетовым выделены захоронения кротовской культуры с анализируемыми кинжалами № 420 (к. 58, п. 21), № 425 (к. 58, п. 26), № 443 (к. 58, п. 44)

Кинжал из погребения № 420 (к. 58, п. 21): длина изделия – 24,3 см, максимальная ширина клинка – 3,6 см, длина клинка 15,4 см, длина рукояти 8,9 см. Указатель стройности – 14,81, указатель клинка – 23,3. Толщина клинка в середине – 4 мм, минимальная ширина рукояти – 1,7 см, максимальная ширина – 2,1 см. Максимальная толщина рукояти – 0,6 см. Сечение лезвия вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Рукоять расширяется к оконечности и имеет тавровидное сечение. В ее противоположных концах имеются овальные сквозные отверстия диаметром 0,5 и 0,6 мм.

Второе изделие данной серии из могилы № 443 (к. 58, п. 44) хотя и обломано, однако легко реконструируется. Оно абсолютно аналогично выше описанному, но имеет иные метрические параметры. Длина кинжала 27,4 см, максимальная ширина клинка 4,4 см, длина клинка 17 см, длина рукояти – 10,4 см. Указатель стройности – 16,05, указатель клинка 25,8. Толщина клинка в середине 6 мм, максимальная ширина рукояти – 3,1 см, минимальная ширина рукояти – 1,9 см, максимальная толщина рукояти – 1 см. Сечение лезвия вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Рукоять тавровидная в сечении. В ее противоположных концах имеются овальные отверстия диаметром 0,6 и 0,8 см.

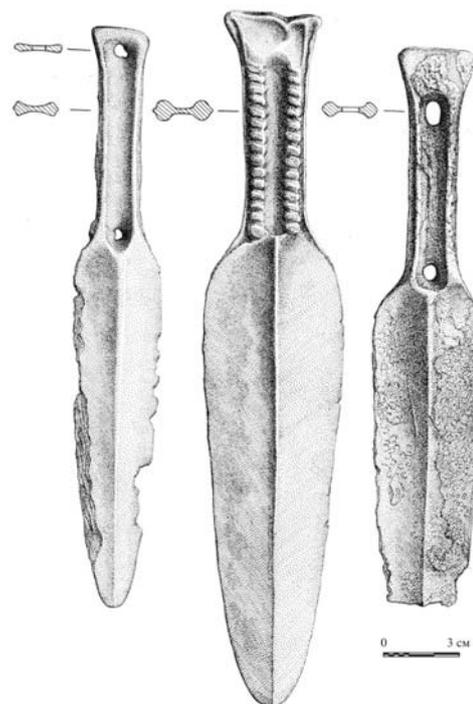

Рис. 3. Бронзовые кинжалы из погребений кротовской культуры памятника Сопка-2/4Б, В. 1 – погребения № 420 (к. 58, п. 21), 2 – погребение № 425 (к. 58, п. 26); 3 – погребение № 443 (к. 58, п. 44)

В работе 1993 г. была предложена реконструкция реального вида рукояти анализируемых изделий. Дело в том, что в пазах рукоятей кинжалов и первого и второго вариантов обнаружены остатки деревянного тлена, а на рукояти кинжала из погребения № 425 (к. 58, п. 26); еще и остатки кожаного ремешка, которым обвивалась рукоять. Таким образом рукоять действующего оружия выглядела следующим образом; в ее продольные пазы с обеих сторон вставлялись деревянные планки делающие рукоять объемной, после чего ручка дополнительно обматывалась кожаным ремешком, для крепления которого использовались круглые сквозные отверстия в противоположащих концах рукояти (рис. 4). На кинжале первого варианта такие отверстия на рукояти отсутствуют, однако для плотности прилегания сыромятного ремешка поверхности четырех выступающих граней рукояти делалась бугристой.

Таким образом, очевиден вывод, что анализируемые кинжалы имели сложносоставную рукоять.

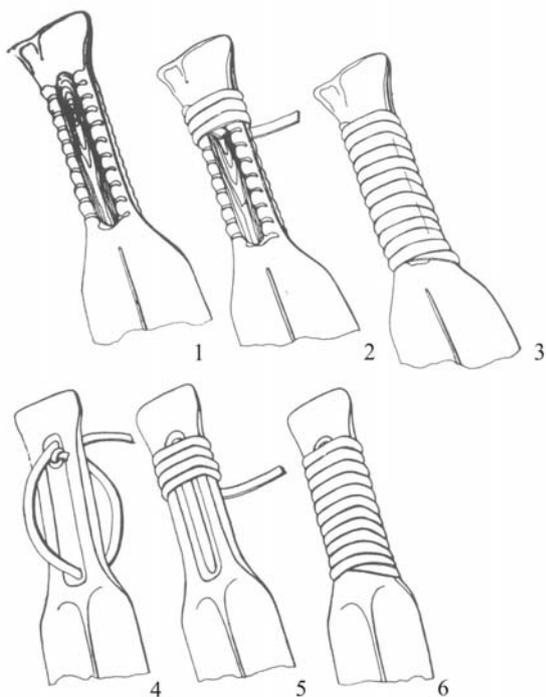

Рис. 4. Реконструкция рукояти кинжалов из кротовского могильника Сопка-2/4Б, В

Несомненный интерес представляет способ ношения данного вида оружия, уже рассмотренный ранее [29, с. 11], однако важный в контексте настоящей работы, поскольку имеет несомненную этнографическую специфику. В двух случаях из трех (погр. № 425 (к. 58, п. 26) и № 420 (к. 58, п. 21) кинжалы лежали *in situ* под погребенными в области спины. Возможно конечно, в этом заключался ритуальный смысл: по какой-то причине кинжал сначала клали в могилу, а на него помещали труп. Эти предположения выглядят не беспочвенными, если учесть, что в могиле № 425 (к. 58, п. 26) был помещен ребенок 1 – 1,5 лет, для которого массивный кинжал, был абсолютно не функционален (он не мог быть даже игрушкой). Семантически аналогичный случай был зафиксирован в захоронении одиновской культуры № 583 могильника

Сопка-2/4А, где в погребении с ребенком в возрасте 6 – 7 лет обнаружена панцирная пластина [32, с. 155]. Оба факта можно объяснить определенными сакральными представлениями, когда предмет вооружения определенно не принадлежавший ребенку при жизни должен был сопровождать его в иной мир. Объяснения данному явлению мы находили в западносибирской этнографии (Выражаем благодарность доктору исторических наук этнографу А. В. Бауло за консультацию по данной проблеме – *примечание автора*).

Как отмечает З. П. Соколова, анализируя погребальную практику хантов и манси, «среди вещей, положенных с умершим, были и такие, которые помещались другим, ранее умершим людям» [48, с. 460]. По данным К. Ф. Карьялайнена «среди оставленных мертвому предметов и монет иногда находятся такие, которые предназначены не ему, а даются для кого-нибудь из ранее умерших родственников», и далее со ссылкой на И. Рослякова: «передача состоится, если умерший кому-нибудь приснился и сообщил, чего ему не хватает» [12, с. 93]. Не исключено, что перед нами явление подобного свойства.

Вместе с тем, не следует исключать, что мы имеем дело с проявлением особого способа ношения кинжалов, который может являться важным этнографическим показателем.

Общеизвестно, что ножи и кинжалы чаще всего носили на поясе. Вместе с тем, известна традиция носить кинжалы и ножи за голенищем сапог (например, у русских воинов [47, с. 85; 14, с. 72], на бедре (в скифское время [23, с. 63; 53, с. 12 – 14; 19, с. 29 – 54], на шее или груди (у угров и самодийцев таежной зоны Западной Сибири) [20, с. 32]. Известны случаи ношения данного вида оружия за поясом сзади, что отмечено для эпохи поздней бронзы Китая [50, с. 44, рис. 6,8], а также для Европейского средневековья [64, с. 81]. Однако фиксируемое в анализируемом могильнике месторасположения кинжалов более всего соответствует способу ношения подобного вида оружия в обрядах Дадао у гоминдина, когда меч помещали на спине, рукоятью вверх [63, р. 169] (Благодарю доктора исторических наук А. И. Соловьева за указание мне этого источника – *примечание автора*), чтобы можно было скрывать наличие оружия или метать его из за спины. Не исключено, что мы имеем дело с аналогичным способом ношения и использования кинжалов.

Как уже подчеркивалось ранее [29, с. 11] и на сегодняшний день все известные нам аналоги (хотя их число и несколько увенчалось) являются случайными находками и не связаны с какими-либо конкретными комплексами. Некоторое исключение представляет кинжал из Афганистана, который связан с поселенческим комплексом эпохи бронзы Дашлы-3 [46, с. 77]. Хотя данная аналогия и не является абсолютной изделие это достаточно близко анализируемым и может быть привлечено в качестве аналогии. Опубликованный кинжал В. И. Сарияниди указывает на отсутствие ей аналогий в территориально близких комплексах и датирует изделие на основании радиоуглеродной датировки – концом III – серединой II тыс. до н. э. [46, с. 76, 169]. Вместе с тем, имеющая место нечеткость привязок полученных на памятнике радиоуглеродных

дат, равно как их разброс и отсутствие калибровки (в то время вообще не предпринимаемой) позволили И. В. Ковтуну использовать для датировки данного предмета самую «молодую» из имеющихся дат и отнести изделие к XII – XI вв. до н. э. [18, с. 323], с чем, конечно же, невозможно согласиться.

В уже не раз цитируемой статье 1993 г. были приведены известные на тот момент аналогии анализируемым кинжалам [29, с. 11 – 14], однако с расширением круга этих находок появились специальные работы, предлагающие их хронологию и стилистическую интерпретацию [39; 8; 18].

Абсолютные аналогии

Территориально ближайшей аналогией к анализируемым является кинжал из Кулундинской степи, найденный примерно в 250 км к ЮВ от могильника Сопка-2, в окрестностях села Конево (Красноозерский р-н Новосибирской обл.) [11, с. 67] (рис. 1-2). Несмотря на часть обломанной рукояти, изделие абсолютно аналогично анализируемым и типологически вероятно занимает промежуточное место между выделяемыми на Сопке вариантами. С первым вариантом его сближает украшенная цепочками выпуклостей рукоять, а с кинжалами второго варианта сквозные отверстия в вертикальном пазе рукояти.

Также абсолютно аналогичен кинжалам второго варианта является изделие из Синьцзяна (долина р. Или, пригород Цяоланерека) [65, р. 245; Новоженев 2012 рис. 161 В-4]. Территориально, эта находка одна из самых удаленных от сопкинского могильника, однако морфологически практически идентичная (рис. 1-3).

К разряду абсолютных аналогий следует отнести кинжал, обнаруженный в районе г. Змеиногорска Алтайского края [2, с. 189]. Единственным отличием от сопкинских является своеобразное оформление рукояти. Вся ее поверхность – гофрирована. Может быть это делалось для более жесткого крепления ремешка обмотки рукояти (рис. 1-4).

В данную группу аналогий следует добавить еще один кинжал с территории равнинного Алтая, обнаруженный у совхоза «Урожайный», в 40 км к югу от г. Бийска [62, с. 102, табл. 8,21]. Это изделие наиболее близко кинжалу из сопкинского погребения № 425 (к. 58, п. 26) с той лишь разницей, что рукоять, помимо рельефных бугорков по краям имеет гофрированную поверхность по средним желобкам и одно овальное отверстие у окончания (рис. 1-5).

К этой же группе аналогичных изделий следует отнести кинжалы найденные так же вне комплексов на территории Северного и Восточного Казахстана, т. е. территории, как и равнинный Алтай достаточно близкой к Барабинской лесостепи. Речь идет о кинжале из Семипалатинского музея (рис. 1-6) опубликованного С. С. Черниковым, а затем переизданный Н. Л. Членовой [54, табл. XIV, 4; 62, табл. 8-19]. Данное изделие отличается от сопкинских наличием цепочки желобков, нанесенных под углом, вдоль средней части рукояти (по-видимому имитация обмотки) и только одним отверстием у обушка рукояти. Аналогичное сходство с сопкинскими кинжалами демонстрирует изделия из окрестностей села Петропавлов-

ское [18, табл. 111-9]. По центральной части рукояти здесь также нанесены горизонтальные валики, однако отверстия в рукояти отсутствуют (рис. 1-7).

Еще один кинжал, который можно отнести к разряду абсолютных аналогий происходит из бывшей Енисейской губернии [62, табл. 8-22]. Его отличает орнаментированная сетчатым узором центральная часть рукояти. В торцевой части присутствует одно отверстие для крепления обмотки.

Наконец, к наиболее территориально удаленным, однако морфологически абсолютно идентичными барабинским кротовским образцам следует отнести два кинжала из уезда Тяньшуй, провинции Гансю [17, с. 144, рис. 2-2,3]. По сведениям А. А. Ковалева, опубликовавшего эти находки, они экспонируются в музее уезда Тяньшуй провинции Ганьсу и получены от местного населения, т. е. их археологический контекст не известен [Там же]. Первое изделие (рис. 1-9) абсолютно аналогично кинжалам второго варианта предлагаемой нами классификации. Вторым кинжалом, опубликованным А. А. Ковалевым (рис. 1-9), можно было бы отнести к первому варианту нашей классификации. Их сближает одинаковое оформление краев рукояти бордюрами из выпуклых бугорков, однако в верхней части рукояти изделия из Китая имеет место овальное сквозное отверстие, что позволяет видеть в нем особый вариант. Вместе с тем обозначенная близость изделий, конечно же, несомненна.

Таким образом, несмотря на определенное своеобразие, которое несет почти каждый, приводимый нами в качестве аналогий сопкинским кинжалам их близость не вызывает сомнения, как и время бытования.

Близкие аналогии

К близким аналогиям рассматриваемым изделиям относится кинжал, обнаруженный на территории равнинного Алтая у с. Чарышское [16]. Его отличает от сопкинских более узкое и длинное лезвие, а также наличие на вершине на торце рукояти в виде лошадки, как будто привязанной к коновязи (рис. 1-10).

На территории более удаленной от Барабы аналогичными сопкинским, как уже отмечалось ранее, безусловно являются по крайней мере три кинжала – из Второго Каракольского клада из Средней Азии (юго-восточный берег оз. Иссык-Куль). По сути три образца из пяти отличаются от кротовских только наличием на вершине в виде лошадки или обломками фигурок животных, на двух остальных образцах [7] (рис. 1-11) По сути три образца из пяти отличаются от кротовских только наличием на вершине в виде лошадки или обломками фигурок животных, на двух остальных образцах [7] (рис. 1-11). В продолжение типологии данных кинжалов в этой серии можно видеть третий вариант рассматриваемых изделий, отличающихся от всех выше охарактеризованных во-первых, наличием на вершине, во-вторых, своеобразным оформлением рукояти (последнее делает возможную типологическую разработку данных кинжалов еще более стойкой).

Аналогии

Кинжалами аналогичными характеризуемым следует признать серию изделий с абсолютно тождественными пропорциями, но с объемной литой руко-

ятью. Их хронологическая идентичность с выше охарактеризованными изделиями по нашему мнению – бесспорна. Кинжалы, о которых пойдет речь, имеют идентичные пропорции с характеризуемыми и их перечисленными аналогами. Речь идет о двух кинжалах из Второго Каракольского клада [7] (рис. 1-11). Пропорции рукоятей этих кинжалов абсолютно аналогичны вышеописанным. Они имеют легкое сужение в средней части и расширяются к противоположным оконечностям. Рукояти объемны и более удобны, они уже не требовали дополнительной обмотки кожаными ремешком хотя сохранили вероятно имитацию последнего в виде горизонтальных валиков. Кроме того, рукоять этих кинжалов увенчана литыми фигурками животных – баранов (?). К числу этих изделий следует отнести и случайную находку в целом такого же кинжала найденного в окрестностях с. Курчум в Восточном Казахстане [43, с. 50, рис. 56,21; 45, с. 23 – 26] (рис. 1-12) Несмотря на имеющиеся у этого образца особенности (три отверстия на одной стенке рукояти, нанесение орнамента имитирующую все ту же горизонтальную обмотку только на одной ее стороне, фигурку барана) кинжал вне сомнения сопоставим с выше перечисленными из Второго Каракольского клада и с анализируемой серией из Сопки.

Типологически особым, однако несомненно сопоставимым с анализируемыми кинжалами представляется еще один кинжал из района Семипалатинска, опубликованный в сводке Н. Л. Членовой [62, табл. 8-14]. По форме он абсолютно аналогичен рассматриваемым выше, однако его рукоять в разрезе овальная, а на месте отверстий сделанной пазы для крепления ремешка обмотки (рис. 1-13).

К числу аналогичных, хотя и, безусловно, достаточно своеобразных (на сегодняшний день его можно даже назвать уникальным!) относится кинжал из окрестностей с. Шемонаиха (Рудный Алтай) [43; 45] (рис. 1-14). О его безусловном отношении к рассматриваемой серии свидетельствует навершие – объемная скульптурка лошади на привязи абсолютна аналогичная скульптурке лошади на привязи кинжала из окрестностей села Чарышское на равнинном Алтае [16]. Литая рукоять украшена с одной стороны гофрированным узором, имитирующими обмотку. (Интересно отметить, что оборотная сторона рукояти этого кинжала украшена совершенно иной композицией в виде двух параллельных зон штрихованных прямоугольников [44, с. 55]. Представляется, что аналогичный семантический подход к украшению рукояти с разных сторон различным орнаментам позволяет проводить параллель с однолезвийными кинжалами (или ножами) увенчанных фигурным навершием в виде стилизованного изображения головы лошади из могильника Елунино-1 [15] и случайной находке из окрестностей с. Усть-Мута [13] на Алтае. Эта, весьма специфическая параллель может являться свидетельством в пользу их близкой хронологии – *примечание автора*). Клинок имеет ромбовидный разрез и снабжен по всей длине ребром жесткости, что также позволяет нам проводить аналогии рассматриваемых кинжалов с данным изделием.

В развитии анализа данного сюжета небезинтересно отметить, что Г. Парцингер отнес кинжалы Вто-

рого Каракольского клада к Кенкольскому типу [40, с. 71], что выглядит отнюдь не безосновательно. Смущает лишь то обстоятельство, что термин «кенкольская культура» был уже использован для обозначения памятников хунно-сяньбийского времени в этом же регионе Центральной Азии.

Отдаленные аналоги

Представляется, что кроме перечисленных нами изделий в разной степени аналогичных рассматриваемым кинжалам из Сопки будет не лишним несколько слов сказать о более отдаленных параллельных, которые выглядят не бесспорными, однако не упомянуть о них так же было бы неверным, поскольку на лицо и связывающие их элементы, объясняемые разными обстоятельствами. К числу таких предметов относятся по своему уникальные изделия такие как кинжал из разрушенного современными грабителями могильника из окрестностей г. Омска [35, рис. 17]. Уже приходилось подчеркивать его параллели с кинжалом из окрестностей Шемонаихи [Там же, с. 68].

Уместно отметить, что типологическая линия развития анализируемых изделий находит продолжение в позднебронзовых образцах из Осинкинского могильника [42] и Акмолинского Приишимья [52], а также двух кинжалов, найденных на поселении эпохи поздней бронзы в Приишимье Новоникольское-1 [9, рис. 2-3,11], которые демонстрируют несомненную близость (или, если хотите преемственность) формы клинки и рукояти, как и явные новации (кольцевидное навершие, прорезная или своеобразно оформленная рукоять, отсутствие ребра жесткости и т. д.)

В заключение, думается будет уместным отметить, что наряду с охарактеризованными кинжалами на территории современного Казахстана, (возможно Алтая) и Сынцзяна выявлено по крайней мере три однолезвийных бронзовых ножа в определенной степени сопоставимых с рассматриваемой серией. Речь идет о таком ноже, хранящемся в Эрмитаже с территории Алтая или Казахстана [62, табл. 8,20]. Рукоять его абсолютно аналогична рукояткам сопкинских кинжалов, как по пропорциям, так и по наличию пары противоположных отверстий и двух рядов бугорков по краям. Второй нож из Казахстана имеет почти до предела ассиметрично сточенное лезвие, что затрудняет его однозначную атрибуцию, однако по рукояти тавровидной в сечении, с двумя противоположными отверстиями он вполне сопоставим с кротовскими [54, табл. XIV-3]. Наконец, последний нож из Сынцзяна, обнаруженный вместе с абсолютно аналогичным кротовским кинжалом, о котором выше уже шла речь [65, р. 245; 38, рис. 1618] имеет массивное лезвие секача, при тавровидной в сечении рукояти с одним отверстием в торце.

Интересно отметить, что как и классические кинжалы, о которых идет речь, нашли свое продолжение и эволюцию формы в культурах поздней бронзы (о чем речь шла выше – Осинкинский могильник, случайная находка из Акмолинского Приишимья, Новоникольское-1), так и однолезвийные ножи с характерной для рассматриваемых кинжалов формой рукояти имеют место в культурах поздней бронзы, конечно в очень сильно измененном виде. Речь идет о двулез-

вийном ноже памятника Шипуновка-5 равнинного Алтая [10, рис. 1].

Такова типологическая схема и максимально полный, на сегодняшний день перечень аналогий сопкинскими кинжалами, что же касается их хронологии, то и в настоящее время, как и двадцать лет назад эта проблема остается остро дискуссионной и требует специального анализа, который мы предлагаем ниже.

Как и классические предметы сейминско-турбинского облика, к числу которых относятся характерные по форме кельты, наконечники копий, однолезвийные и двулезвийные кинжалы [57] исследуемые кинжалы имеют так называемый «транскультурный характер», распространяясь на огромной территории от Барабинской лесостепи на севере – до Иссык-Куля и далее до Синьцзяна на юге и от степей Казахстана на западе почти до Центрального Китая – на Востоке, при этом отдельные предметы известны даже за пределами этой огромной территории. Понятно, что они использовались населением носителями различных археологических культур, при этом бытовавшим примерно в одно историческое время.

Картографирование анализируемых двулезвийных кинжалов показывает, что означенная территория могла в такой же степени как для сейминско-турбинских являться своего рода очагом и для их производства.

Металлические изделия в археологических комплексах являются одним из важнейших индикаторов хронологии археологических культур [1, с. 6].

Носители кротовской культуры обладали высоко развитым бронзолитейным производством о чем свидетельствуют как его многочисленные следы на кротовских поселениях [25, табл. LXI; LXII; 34, с. 104 – 119], так и захоронение литейщика обнаруженное на анализируемом могильнике [27] с ярчайшим набором инструментария металлурга-литейщика. Более того, литейные формы и их фрагменты были встречены и в других захоронениях анализируемого в настоящей статье памятника.

Источником сырья для производства бронзовых орудий у носителей кротовской культуры, несомненно, являлся Рудный Алтай связанный с более северными районами, в том числе очевидно и с Барабинской лесостепью, Иртышской магистралью.

Рудный Алтай – несомненно, особый район, охватывающий западные предгорья Алтайской горной системы, включающие верховья Иртыша – важнейшую транскультурную магистраль древности, благодаря которой палеометаллические руды, которыми богата данная территория распространялись на север, а благодаря иртышским притокам – в восточном и западном направлении. Наличие на территории Рудного Алтая месторождений меди и олова способствовали получению высококачественной оловянистой бронзы, что по справедливому заключению ряда исследователей [см. напр., 55; 41; 8] привели к формированию Рудноалтайского металлургического центра в рамках Саяно-Алтайской горно-металлургической области.

Именно Рудный Алтай и прилегающие к нему районы, обладающий запасами источников сырья мог служить как одним из очагов производства сеймин-

ско-турбинских предметов [о чем неоднократно говорили исследователи: 49; 22, с. 55; 51, с. 142; 57].

С момента публикации специальной работы посвященной особому типу бронзовых кинжалов кротовских погребений на сопкинском могильнике прошло двадцать лет [29], однако по-прежнему у многих авторов, обращающихся к анализу данного вида кинжалов имеет место явная недооценка трех сопкинских образцов из погребальных комплексов кротовской культуры, что приводит к неверной хронологической атрибуции этого важнейшего вида источников. Такое положение вещей вновь заставляет нас вернуться к рассмотрению данной проблемы, имея в своем активе принципиально новые данные, касающиеся их датировки. Напомним, что в своей монографии, посвященной кинжалам карасукской культуры Н. Л. Членова отнесла анализируемые в данной работе изделия к карасуцкому времени [62, с. 102, табл. 8]. Исследователь в своих посылках руководствовался исключительно морфологическим анализом в оценке их форм, поскольку находки этих кинжалов в закрытых комплексах в то время отсутствовали. Вероятно с ее легкой руки ряд исследователей до сих пор придерживаются данной точки зрения (безусловно ошибочной) [39]. Другие же считают их «постсейминскими» [8; 18], так же тем самым существенно омолаживая последние.

А. В. Папин и А. С. Федорук в коллективной монографии, посвященной анализу бронзовых предметов Алтая в эпоху энеолита и бронзы [39, с. 75 – 121] относит два кинжала с территории равнинного Алтая ранее опубликованных Ю. П. Алексиным, В. И. Владимировым и Н. Л. Членовой и абсолютно аналогичных сопкинским к эпохе поздней бронзы, типу 8 разработанной ими типологии [39, с. 108]. Данная посылка ничем не обосновывается, а единственный памятник (Сопка-2), где аналогичные кинжалы трижды встречены в погребальных комплексах кротовской культуры (где лежали *in situ!*) попросту игнорируется.

К «постсейминскому» или самусьско-кижировскому этапу предлагаемой периодизации сейминско-турбинского комплекса Алтая отнес кинжал с Чарыша (а следовательно, данные изделия) С. П. Грушин [8, с. 128, табл. I, с. 127]. В культурном отношении исследователь бронзовые предметы этого этапа связывает «с различными андронидными» культурами Северной Евразии и второй половиной II – первой четвертью I тыс. до н. э.» [8, с. 128].

К «постсейминско-турбинским», понимая под термином эпохальное явление, отнес рассматриваемую группу кинжалов, включая три изделия из могильника Сопка-2, И. В. Ковтун [18, с. 322 – 325, табл. 111]. Исследователь хотя и видит в последних образцах в контексте всей сводки «сравнительно архаичную форму» [18, с. 323] делает, тем не менее, вывод (основанный на исключительно риторических пассажах построения типологической эволюции, которую можно при желании строить по-иному, с точностью до наоборот!) который звучит однозначно: «Все это не означает причастности сопкинских кинжалов или их типологических параллелей к сейминско-турбинскому хронологическому горизонту. С

этим периодом связаны вероятные проформы рассматриваемых изделий» [18, с. 324].

Как видим, исследователи и сегодня склонны следовать концепции Н. Л. Членовой и относить данные кинжалы, число которых, как и территория распространения заметно увеличилась (см. выше) к эпохе поздней бронзы, либо, в лучшем случае, к постсейминскому или постсейминско-турбинскому времени, что хронологически уходит во вторую половину II тыс. до н. э. Слабость имеющей место аргументации по прежнему заключается в отсутствии хотя бы одного предмета обнаруженного в надежно датированном комплексе, что не позволяет датировать и кротовские изделия эпохой поздней бронзы. Понимая уязвимость такой позиции Н. В. Ковтун пытается пересмотреть датировку кинжала из памятника Дашлы-3 (Северный Афганистан) отнесенного его исследователем В. И. Сарияниди к концу III – серединой II тыс. до н. э. [46, с. 76, 169 и др.]. Из шести полученных радиоуглеродных не калиброванных (!) дат памятника исследователь предлагает использовать наиболее молодую – 1116 ± 70 до н. э. и делая далее логическое заключение о стратиграфическом залегании захоронения с кинжалом ограничивает время его бытования XII – XI вв. до н. э. [18, с. 323].

Мы готовы согласиться с Игорем Вячеславовичем, что «ситуация с дашлинской находкой неоднозначна» [18, с. 323] и поэтому не может быть с нашей точки зрения решающей. Даже если дата единственно верная из шести, полученных на памятнике, даже если она верна без калибровки (последнее вообще маловероятно). Дело в том, что кинжал из Афганистана более сопоставим действительно с позднебронзовыми образцами таких форм, (см. выше: кинжалы из Акмолинского Приишимья и Осинского могильника). С осинским кинжалом его сближает такая своеобразная черта, как продолжения ребра жесткости с клинка через всю рукоять (Сравните: [18, табл. 113-17, 14] – *примечание автора*). Кстати сказать, в этот же ряд его помещает и И. В. Ковтун [18, табл. 113-17, 15, 14].

Хронологическая позиция кротовской культуры существовавшей в Обь-Иртышской лесостепи до прихода на данную территорию андроновцев (федоровцев) не раз обосновывалась одним из авторов статьи еще на момент ее выделения [24; 25; 26; 28 и др.]. Появившиеся новые материалы, равно как и завершение исследования памятника Сопка-2 позволили планиграфически четко выделить на нем могильники эпохи неолита, усть-тартасской, одиновской, кротовской и позднекротовской культуры, [30, 31, 32, рис. 7], а также отдельные могилы андроновской (федоровской), ирменской и сузгунской культур (не говоря об эпохах железа и средневековья). Планиграфия кротовского могильника Сопка-2/4/б,в, о котором идет речь может вызывать определенные проблемы лишь в месте его планиграфического соприкосновения с одиновским могильником Сопка-2/4А. Погребения же с рассматриваемыми кинжалами планиграфически расположены в рядах кротовского могильника, в могилах имеет место инвентарь (украшения, оружия, керамика), характерные для других кротовских захоронений памятника (рис. 2).

Так что принадлежность комплексов, в которых данные кинжалы обнаружены к кротовской культуре выглядят с нашей точки зрения абсолютно однозначно и безукоризненно. К сказанному следует добавить, что на данном памятнике обнаружено захоронение литейщик № 282 (к. 25, п. 64) с набором классических сейминско-турбинских предметов и изделий для их производства. Створка литейной формы для отливки сейминско-турбинского копья найденного в погребении № 427 (к. 58, п. 28) что позволяет однозначно говорить об их единой, вместе с рассматриваемыми кинжалами, культурно-хронологической позиции.

Таким образом, мы должны совершенно однозначно констатировать, что характеризуемые кинжалы действительно возникают и существуют в одно время с сейминско-турбинским феноменом, являясь типичным явлением для его восточного ареала.

Несколько слов необходимо сказать относительно морфологии данных изделий. Конечно, за время своего существования изделия эволюционируют, причем порой самым неожиданным образом, когда появляются такие редкие формы как например, кинжал из Шемонаихи [43] или разрушенного современными бугровщиками могильника близ г. Омска [35, с. 67, рис. 17]. С приходом в Западную Сибирь андроновского населения, причем на стадии уже первых контактов, у аборигенов (позднекротовцев) происходит полная смена оружия с сейминско турбинских на срубно-андроновские формы, в том числе и кинжалов, что мы наблюдаем и на Сопке в позднекротовском могильнике, и на соседнем памятнике Тартас-1 [28; 33, рис. 2-14, 15]. Вместе с тем, в каких-то общностях двулезвийная форма кинжала с литой рукоятью продолжает бытовать на Алтае (42, рис. 2-1), Акмолинское Приишимье [52], являясь своего рода предшественниками классических бронзовых карасукских кинжалов [29, с. 14].

Из разработки Н. Л. Членовой критериев типологии бронзовых кинжалов следует, что рукояти бронзовых кинжалов с широкой щелью типологически являются более ранними, чем карасукские и восходят к рукоятям с накладками [59, с. 266; 60; 61, с. 18 – 20; 62, с. 6]. Анализ сопкинских кинжалов позволяет с полным основанием видеть в форме данной рукояти именно рукоять с накладками (рис. 4), типологически более раннюю, чем карасукские. Нельзя также не согласиться с Д. В. Винник и Е. Е. Кузьминой, которые синхронизируют наверхия на кинжалах из Второго Каракольского клада с наверхиями на однолезвийных кинжалах из Сеймы, Турбино и Ростовки [7, с. 50], что также по нашему мнению свидетельствует в пользу отнесения данных изделий к сейминско-турбинской эпохе. К аналогичному выводу пришли и наши барнаульские коллеги. Так Шульга и С. П. Грушин анализируя наверхие кинжала из окрестностей с. Чарышское (как мы уже отмечали аналогично сопкинским см. выше) приходят, с нашей точки зрения, абсолютно справедливому выводу о связях скульптурки лошади с сейминско-турбинским изобразительным канонам [16], что предопределяет и хронологическую и семантическую позиции данного предмета, равно как и всей серии. (В коллективной монографии 2009 г. С. П. Грушин отнес этот кинжал без каких либо ком-

ментариев к «постсейминским» т. е. более поздним образцам, с чем нельзя согласиться – *примечание автора*).

С сейминско-турбинской изобразительной традицией связывает намерения кинжалов в виде бронзовых лошадок из Второго каракольского клада и В. А. Новоженев [38, с. 316, рис. 175].

Разумеется, рассматриваемую серию кинжалов следует понимать как широкое явление характерное для свиты культур развитой бронзы, бытовавшей на этой огромной территории. К их числу несомненно относятся кротовские и елуинская культуры, а также такие как окуневская, каракольская и другие культуры этой эпохи. Аналогичное явление мы наблюдаем применительно для сейминско-турбинских бронз, только значительно более широких пространств Евразии [58]. Наконец последнюю точку в дискуссии, касающейся хронологии рассматриваемых кинжалов ставит датировка комплексов ряда могильников эпохи бронзы Барабинской лесостепи, в том числе и кротовского могильника Сопка 2/4Б; В радиоуглеродным методом.

В настоящее время получена серия дат в различных высокорейтинговых лабораториях России и Великобритании кротовских захоронений, в том числе, погребения с анализируемым кинжалом. В лаборатории Белфастского королевского университета получена дата по кости человека погребения № 425 (к. 58, п. 26) UBA-25026 [21]. В пределах вероятности 88,7 % ее параметры выглядят следующим образом: 2350 BC – 2120 BC т. е. последняя треть III тыс. до н. э. Если учесть, что созвучные по времени даты получены и из других, соседних захоронений кротовской культуры могильника, равно как и захоронений с сейминско-турбинскими изделиями (к примеру калибрование датировка захоронения литейщика № 282 (к. 25, п. 64) [26] СОАН-7725 в пределах вероятности 95,4 % составляют 2470 – 2030 BC, что т. е. вторая половина III тыс. до н. э.), то очевидны два принципиально важных вывода.

1. Часть кротовского могильника Сопка-2/4Б, А относится ко второй половине (последней трети) III тыс. до н. э.

2. Планиграфия памятника с учетом серии радиоуглеродных дат позволяет уверенно свидетельствовать,

что анализируемые кинжалы сосуществуют с сейминско-турбинскими бронзами в восточном ареале их распространения.

В заключение следует коснуться еще одной проблемы связанной с вероятным центром происхождения рассматриваемых изделий. В своей недавней статье посвященной, в том числе двум абсолютно аналогичным сопкинским бронзовым кинжалам, найденным глубоко на востоке Китая, в провинции Ганьсю, ее автор А. А. Ковалев полагает, что этот факт свидетельствует о присутствии здесь «пришельцев из Западной Сибири» [17, с. 144].

Можно согласиться с А. А. Ковалевым, что попали они на данную территорию безусловно с запада, только вряд ли это были «пришельцы из Западной Сибири». Мы уже отмечали выше, что центром возникновения сейминско-турбинского феномена (равно как и сопутствующих ему анализируемых кинжалов) был скорее всего Рудный Алтай, вероятно с прилегающими к нему территориями Синьцзяна. В одной из последних своих работ Е. Н. Черных, крупнейший знаток и исследователь сейминско-турбинского феномена, пишет: «Судя по всему именно Синьцзян и является исходным регионом для формирования сейминско-турбинского феномена. При этом территориальное понятие Синьцзян можно трактовать в расширенном формате, соответствующем, к примеру границам Синьцзян – Уйгурского автономного района современного Китая – то есть от Монгольского Алтая вплоть до Восточного Тянь-Шаня, с включением в эти рамки Джунгарии и бассейна Тарима: всего до 1,5 – 1,7 млн кв. км. Этот реконструируемый первичный для сейминско-турбинской культуры ареал мог даже слегка накрывать более западные от Синьцзяна области» [56, с. 283]. Вот из этого то ареала и следует видеть выплеск носителей данного феномена (в том числе и рассматриваемых кинжалов во-первых, на север, вдоль Иртыша, а затем в Сибири веерообразно на запад и восток. Кроме того, некоторые предметы попадали и в восточные (пров. Гансю и Монголия), и западные (Киргизия оз. Иссык-Куль) районы Центральной Азии. Носители кротовской культуры не могли стоять у истоков данного феномена, поскольку были лишены собственной рудной базы.

Литература

1. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Изд-во: ФАН УзССР, 1991. 125 с.
2. Алехин Ю. П., Владимиров В. Н. Разведочные работы в Предгорном Алтае // АО 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 189 – 190.
3. Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1992. 41 с.
4. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса 2011 г. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород 2011. С. 106 – 108.
5. Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1992. 163 с.
6. Бобров В. В., Юракова А. Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Т. I. Казань, 2014. С. 211 – 213.
7. Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй каракольский клад Киргизии // КСИА. 1981. № 167. С. 49 – 52.
8. Грушин С. П., Папин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 122 – 131.

9. Зданович Г. Б. Поселение эпохи бронзы Новоникольское-1 (раскопки 1970 г.) // Из истории Сибири. Томск: изд-во ТГУ, 1974. Вып. 15. С. 61 – 71.
10. Иванов Г. Е. Бронзовый нож из Мамонтовского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: изд-во Алт. гос. университета. 1996. Вып. VII. С. 94 – 97.
11. Из музейных собраний Новосибирской области. Каталог/ сост.: Н. В. Ермакова, М. А. Овчарова / под ред. А. В. Шаповалова. Новосибирск: изд-во НГКМ, 2009. С. 158.
12. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 1. Томск: изд-во ТГУ, 1994.
13. Киреев С. М., Кудрявцев П. И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, Изд-во АГУ, 1988. С. 164 – 166.
14. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966.
15. Кирюшин Ю. Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО. 1979. М.: Наука, 1980.
16. Кирюшин Ю. Ф., Шульга П. И., Грушин С. П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2006. С. 45 – 53.
17. Ковалев А. А. Новые данные о связях культур Западной Сибири, Монголии и Китая в первой половине II тыс. до н. э. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2013. С. 140 – 146.
18. Ковтун И. В. Предыстория индоиранской мифологии. Кемерово: Изд-во Азия-Принт, 2013. 702 с.
19. Кубарев В. Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29 – 54.
20. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-Вахавские ханты. Томск: Изд-во ТГУ, 1977.
21. Марченко Ж. В., Молодин В. И., Гришин А. Е., Орлова Л. А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинскими и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. 2014 г. Т. I. Казань, 2014. С. 463 – 468.
22. Матющенко В. И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура. Из истории Сибири. Вып. 10. Томск: Изд-во ТГУ, 1973.
23. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ. Вып. VI-4. М.: Наука, 1964.
24. Молодин В. И. Кротовская культура и ее окружение // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1975. С. 259 – 268.
25. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 175 с.
26. Молодин В. И. Бараба в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 36 с.
27. Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 96 – 109.
28. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
29. Молодин В. И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4 – 16.
30. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Т. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.
31. Молодин В. И. Современное представление об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т. Н. Троицкой). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 61 – 76.
32. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.
33. Молодин В. И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. 1(57). С. 49 – 54.
34. Молодин В. И., Дураков И. А., Мильникова Л. Н., Нестерова М. С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2012. Т. 11. Вып. 5. Археология и этнография. С. 104 – 119.
35. Молодин В. И., Нескоров А. В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3(43). С. 58 – 71.
36. Молодин В. И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области: мат. «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 3. Новосибирск, 1998. 139 с.
37. Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 182 с.
38. Новоженев В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М: Изд-во ТАУС, 2012. 500 с.
39. Папин Д. В., Федорук А. С. Поздний период бронзового века переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С. П. Грушин, Д. В. Папин, О. А. Позднякова, Е. А. Тюрина, А. С. Федорук, С. В. Хаврин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 75 – 121.

40. Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 66 – 75.
41. Розен М. Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае. Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 112 – 121.
42. Савинов Д. Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 94 – 100.
43. Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1999. 288 с.
44. Самашев З. С., Ермолаева А., Куш Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алма-Аты: Онер, 2008. 200 с.
45. Самашев З. С., Жумабекова Г. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Известия НАН РК. (Серия: Общественные науки). Алма-Аты: Гылым 1993. № 5(191). С. 23 – 33.
46. Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
47. Совотов П. Описание старинных русских утварей, оружия ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположения. СПб, 1806.
48. Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука 2009. 755 с.
49. Тихонов Б. Г. Металлургические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА. 1960. Вып. 90. С. 5 – 115.
50. Тун Энъчжан. Исследование бронзовых мечей юго-западных районов нашей страны // Каогу сюсбао. 1977. № 2 (на китайском яз.).
51. Уманский А. П., Демин М. А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 143 – 150.
52. Хабдулина М. К., Плешаков А. А. Случайные находки кинжалов с Прииртышья // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Т. I. Изд-во KUL TECIN, 2003. С. 215 – 218.
53. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
54. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА № 88. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
55. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА № 172. М.: Наука, 1970. 179 с.
56. Черных Е. Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. М.: Изд-во Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.
57. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84 – 105.
58. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Азии. М.: Наука, 1989. 320 с.
59. Членова Н. Л. Материалы по истории Сибири. Т. 1. Улан-Удэ, 1964.
60. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
61. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. МИА. М.: Наука, 1967.
62. Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976.
63. Jowett Ph. Chinas wars: Rousing the Dragon 1894 – 1949. L: Osprey Publishing, 2013. 400 p.
64. Müller H., Kölling H. Europäische Hieb und Stichwaffen aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin 1981.
65. Qi Xioshan, Wand Bo. The Ancient culture in Xinjiang along the silk Rood. 2008. P. 304.

Информация об авторе:

Молодин Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, Molodin@archaeology.nsc.ru.

Vyacheslav I. Molodin – Doctor of History, Full Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director at the Institute for Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.